

2. Глушак Т.С., Мирский А.А. Интертекст и интертекстуальность // Дискурсивный континуум: Текст — интертекст — гипертекст: Материалы Всеросс. науч. конф. Самара, 2007.
3. Караулов Ю.Н. Предисловие // Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1.
5. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1992. 417 с.

И. В. Ильина, г. Тюмень

ТЕМА СМЕРТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Духовная культура характеризовалась противоречивостью, пересечением старого и нового. Атмосфера в России в этот период — это атмосфера кризиса, мятежей, революций, невиданных перемен. Противоречия в судьбах России «Серебряного века» отразились в сознании человека. Предчувствие социальных катастроф способствовало созданию особого типа мировоззрения, на котором лежал отпечаток двойственности: высшая самоотверженность превращалась в моральный нигилизм, уважение к достоинству другого — в пренебрежение к его свободе, готовность к смерти — в страх перед ней.

Первая Мировая война, обе революции способствовали процессу деперсонализации личности. Умаление человека проявилось в гипертрофии в человеке животных сторон, низших инстинктов, в высвобождении инстинктов разрушения и смерти. Перед лицом смерти находились тысячи людей. Смерть, гибель России — «больная» тема философов, писателей и поэтов. У последней черты, с точки зрения М. Волошина, стоит народ, страна, её история. Поэт изображает смерти массовые, коллективные, леденящие кровь. Та же тема звучит у З. Гиппиус: «Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, смеются пушки, разевая рты... и скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь!» [Кулагина URL].

Можно рассмотреть два вида отношения к смерти, присутствующие в русской литературе конца XIX — начала XX века: с одной стороны, страх смерти, противостояние ей; с другой — смирение перед ней, готовность к жертвенности.

Литература XIX — XX вв. в большей мере пронизана страхом смерти, непониманием ее причин. Человек, оказавшийся у смертной черты, протестует, не понимая, почему умирать должен именно он, а не кто-то другой, для кого смерть, возможно, является закономерной участью. Смерть воспринимается как некая случайность или фатальность, возникает потребность найти виноватого, которым становится Бог.

Мысль о противостоянии смерти звучит и в произведениях раннего М. Горького. Его герои утверждают счастье в борьбе, в смерти на поле битвы, как Сокол и Данко. Писатель изображает героическую смерть, смерть как испытание духовной стойкости и достоинства человека. Достоинство героев Горького появляется из преодоления страха смерти. У Горького гордость и изгнание страха смерти тесно взаимосвязаны. Также он высказывает мысль о необходимости своевременной смерти, о том, что нужно быть благодарным ей.

Горького привлекало учение Н. Федорова. Призыв к победе над смертью был созвучен его собственным исканиям. Человек М. Горького — борец со смертью. Подвиг мыслится Горь-

ким как деяние во имя людей. Готовность к самопожертвованию во имя будущего служит мериллом ценности человека. Человек, уверенный в своих делах, идущий к поставленной цели, преодолевает смерть, ибо он своими поступками оставляет по себе «тень в жизни». Герой пьесы «Егор Булычев и другие» протестует против смерти. Герой одинок, он в одиночестве он переживает свое горе, рушатся все его связи с миром [Кулагина URL].

Для Л. Андреева (пьесы «Король, закон и свобода», «К звездам» и в «Повести о семи повешенных») смерть нечто бессмысленное, ужасное и непоправимое. У Л. Андреева тема смерти сближается с мотивом бессмысленности, безумия окружающего мира. Л. Андреев показал невыносимый страх смерти как выражение бессмысленности жизни. Почти все герои Л. Андреева умирают, так и не сумев преодолеть стену отчуждения, одиночества.

Не все герои Л. Андреева воспринимают смерть как ужас, иногда она ассоциируется у героев с безграничной готовностью к подвигу, как жертвенность, как стремление пополнить ряды тех, кто «из века через костер, пытки и казни идут к высокому небу». Герой Вернер перед лицом смерти испытывает чувство свободы, испытывает чувство «нежной и страстной жалости» и любви к людям, хотя раньше он их презирал. Новой перед ним предстала жизнь, новыми перед ним предстали люди, он нашел свое подлинное бытие и мужественно смотрит в лицо собственного Ничто, небытия.

«Собачий вальс» — пьеса об одиночестве и абсурдности бытия. Интеллигент Генрих Тиле, не найдя ответов на вопрос о смысле жизни, отвергает жизнь, чтобы осознать смерть в ее «непоправимости и глубине мистической». В самоубийстве писатель видел гарантию свободы. Л. Андреев в своих произведениях изображает смерть как отрицание бытия, смысла, конец мира и истории.

Однако страх смерти служит у писателей конца XIX — начала XX века поводом для поиска более правильной и достойной жизни, пониманию того, что жизнь — это ценность, и этот страх смерти заставляет переосмыслить бытие. Человек переосмысливает свою жизнь и преодолевает страх. Момент осознания смерти становится отправным для обретения человеком самого себя. Смерть открывает собой величайшую тайну: что есть человек и каково его предназначение; следует умереть или, по крайней мере, встать на границу жизни и смерти, чтобы обрести подлинно человеческое в себе. Размышления о смерти героев служат, как правило, выражением человеческой идентичности. Эти мысли связаны с темой смысла жизни, судьбы [Мордовцева URL].

Герои Л.Н. Толстого в произведениях «Смерть Ивана Ильича», «Записки сумасшедшего» и «Три смерти» задаются вопросами «зачем? за что?». Когда же они попадают в ситуацию «быть или не быть», в них пробуждается человеческая сущность. В начале — мучительный вопрос «Почему именно со мной?», затем — осмысление того, как жил, подлинной ли жизнью. Оказывается, что жил не так как нужно, неправильно, поэтому и смерть пришла. И теперь ее нужно принять такой, какая она есть. Ведь его герои, по большому счету, и не являются людьми до тех пор, пока не попадают в пограничную ситуацию. Все они до этого важного, откровенного события жизни были кем угодно — приличными служащими, чиновниками, родителями, супругами, — но только не людьми в подлинном смысле.

Как преобразается малоинтересный чиновник из повести «Смерть Ивана Ильича», занятый лишь своей небольшой служебной карьерой и стремящийся жить «как все», когда к нему подбирается смерть. Писатель, осуждающий его бездуховность, отсутствие высоких стремлений смягчается лишь тогда, когда его герой понимает, что скоро умрет. Лицо мертвого становится «красивее, главное значительнее, чем оно было у живого». Для Толстого смерть — это ценность абсолютная и единственная.

Герои Толстого — «хорошие люди» — в большинстве своем оказываются в итоге согласны со смертью. Смерть человека есть возвращение к истинному пониманию веры, которая вместе с размышлениями о конце бытия менее всего волнует при жизни.

У Толстого смерть оказывается светом, возвращением к истине («Смерть Ивана Ильича»). Свет помогает преодолеть тяготу жизни, исчезает внутреннее раздирающее, вызванное страхом смерти.

В рассказе «Три смерти» описывается смерть состоятельной молодой барышни, старого крестьянина и дерева, в которое ударила молния. Вначале описывается смерть молодой женщины от чахотки: она никак не может примириться с неизбежностью собственной смерти, до конца не верит в происходящее. Во время соборования она остается внутренне чуждой происходящего, для неё сильнее собственное нежелание расставаться с жизнью, которая для неё только успела начаться, чем религиозное переживание будущей встречи с Богом. Далее Толстой описывает смерть крестьянина, которой умирает тихо и незаметно, в примирении со всеми; его смерть похожа на смерть дерева — она подчиняется тем же природным закономерностям, она так же естественна. Толстой в этом рассказе хотел показать, что если человек знает, зачем он живет, то смерть он принимает менее трагичнее, для него это естественное завершение жизни. Страх перед смертью связан с отсутствием смысла жизни.

Другое отношение к смерти, которое прослеживается в произведениях русских писателей конца XIX — начала XX века — это смиренное, осознанное ее принятие.

Смирение перед неизбежностью смерти, осознание неминуемой участи всех людей, среди которых есть и моя душа и тело, настраивает человека на то, чтобы принять эту мысль с великим терпением. Смирение перед неизбежностью смерти возникает, как правило, у тех, кто уже при жизни задумывался над предельными вопросами бытия. Принятие смерти означает глубину понимания и осознания того, что в мире действует незыблемый закон начала и конца [Мордовцева URL].

Русские люди удивительно умирают, «холодно и просто» как писал И. Тургенев в рассказе «Смерть». Холодность означает скорее бесстрастность, подготовленность к этому событию жизни. Несколько смертей описывает он в своем небольшом рассказе: Максима подрядчика, обгоревшего мужика, мельника, чахоточного студента, старухи помещицы. И все они спокойно и размеренно идут к своей смерти, отдавая последние указания с заботой о близких, исполнив последний долг перед Богом.

Размеренное течение жизни в ожидании смерти описывается в некоторых рассказах А.П. Чехова, где герои пребывают в особой атмосфере опустошения и безразличия. Чехова больше интересует жизнь как прелюдия смерти. Чеховские герои открыты смерти, т.к. считают ее обыденным делом. Они принимают свою участь без экзистенциального сопротивления.

Смерть в творчестве И.А. Бунина оказывается не только разрешительницей всех противоречий, но и источником абсолютной, очищающей силы («Преображение», «Митина любовь»). Бунин до самой смерти интересовался сущностью человеческой жизни, ее хрупкостью и изначальной обреченностью на смерть, которая всегда по большому счету только случайность, но случайность, фатальная для человека. Человек приходит в мир на очень небольшой отрезок времени, и сама жизнь, которая дается ему, по никому, кроме Бога, непонятным причинам, и смерть, обрывающая эту жизнь, все оказывается делом случая, и, более того, жизнь, любовь и смерть оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Осознание того, что смерть неизбежна, в сочетании с огромной любовью к людям и любовью к жизни заставляет писателя всерьез задуматься о своем предназначении, о том, что необходимо успеть сделать в этой жизни, чтобы не быть забытым, чтобы «продолжиться» в веках. Тихий естественный и даже прекрасный уход из жизни праведника, слуги Божия изображает в своем небольшом рассказе «Святитель». Автор делает вывод о бессмертии красоты русской души, открывающейся только после кончины человека.

И. Шмелев смотрит на смерть глазами христианина. За порогом смерти не тьма, а свет («Лето Господне»). У него герой — человек Церкви: праведник или кающийся грешник. Ему не страшна смерть, он готовится к ней, помнит о ней, и встречает ее спокойно, потому что верит в бессмертие и ждет встречи со Христом. Страшна смерть только для грешников. Смерть

другого (отца Вани в романе «Лето Господне») — это самая большая скорбь, но она просветляется надеждой, умиротворением благодаря вере во всеобщее воскресение.

Таким образом, в ситуации приближения конца жизни, наступления смерти человеку остаются, в общем, две возможные линии — либо смиренно готовиться к смерти, проживая каждый день как последний, либо пытаться изменить положение дел, противостоять, бороться, ужасаться, отрицать. Не все способны к смиренному принятию смерти, не все могут помнить о ней и готовиться к ней в течение жизни. Человеческому естеству присущ страх смерти, но однако именно он может служить отправной точкой для осмысления своего жизненного пути, для понимания себя и в конечности — для преобразования. «Позитивный» аспект смерти заключается в том, что в силу своей конечности человек обнаруживает в себе трансцендентную способность соотноситься с высшим началом Бытия [Лисицына URL].

Литература

1. Кулагина Г.Н. Тема смерти в русской культуре начала XX. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/>
2. Лисицына Т.А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropologia.spbu.ru>. Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. СПб., 1995.
3. Мордовцева Т.В. Лики Танатоса в русском художественном слове [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sofik-rgi.narod.ru/avtor/dpf_2004/mordovceva.htm.

А. Г. Казанцев, г. Курган

ЦИКЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА САМОРЕФЛЕКСИИ В ПОЭЗИИ Б.Б. РЫЖЕГО

Всего Борис Борисович Рыжий написал около 1300 стихотворений, но сам он никогда не объединял созданные им произведения в циклы.

Исследователь творчества Б.Б. Рыжего Ю.В. Казарин в монографии «Поэт Борис Рыжий» справедливо отмечает целесообразность выделения ряда «смысло-тематических циклов» в творчестве поэта: «Выделяется несколько очевидных смысло-тематических циклов: стихи Эле, о смерти, одиночество, манекены, на смерть поэта; перербургские стихи; свердловские стихи; стихи, посвящённые родным; стихи Ирине; стихи сыну; стихи друзьям (А. Леонтьев, О. Дозморев); «офицерские» стихи — игровой цикл; стихи о поэтах (преимущественно XIX в.); «музыкальный» цикл; стихи о современниках (поэтах и др.); стихи о городах (Пермь и др.); стихи городские; стихи о невыразимом и др.» [Казарин 2009: 195].

Мы взяли на себя некоторую смелость выделить также ряд циклов в его творчестве. По мнению Ю. В. Доманского, к циклообразующим связям относятся заглавие, композиция, пространственно-временной континуум, изотопия [Доманский 2000: 99-122]. Опираясь на эту точку зрения и на точку зрения Ю. В. Казарина, попытаемся выделить некоторые циклы стихотворений в творчестве Б. Б. Рыжего.

«Уральский цикл», на наш взгляд, — самый большой цикл стихов Б.Б. Рыжего. Объединяет их все изотопия — действие в этих стихотворениях происходит в Екатеринбурге (в большинстве стихов данного цикла), городе, где жил сам Б. Б. Рыжий, или в каком-либо другом месте, но на Урале. Общей чертой всех стихотворений, которые мы включаем в этот цикл, является изображение всех негативных реалий жизни, всех её уродливых сторон, сознательная установка на полное отсутствие приукрашивания жизни.